

Виктор Моисеевич Далин

АЛЕКСАНДР I, ЛАГАРП и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Французский ежегодник 1984

М.: Наука. 1986. С.139-151

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.org), 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

В 1980 г. в Швейцарии (Невшатель) была завершена публикация обширной трехтомной переписки между Фредериком-Сезаром де Лагарпом и Александром I¹. Издание, явившееся результатом многолетней работы швейцарских историков Ж. Ш. Биоде и Фр. Нико, очень тщательно исследовавших швейцарские и советские архивы, выполнено во всех отношениях безукоризненно и снабжено ценным предисловием Ж. Ш. Биоде. До сих пор опубликованы были полностью лишь все письма Александра² (за исключением одного — о нем мы скажем особо). Писем Лагарпа было опубликовано немного, в разрозненных изданиях. Большая ценность издания переписки состоит не только в том, что в него включены все письма Лагарпа и его многочисленные примечания к ним, которые он делал позднее, неоднократно пересматривая коллекцию этих писем. Интереснейшая переписка важна для понимания всей европейской истории конца XVIII и первой четверти XIX в., но мы ограничимся изучением только взаимоотношений Лагарпа и Александра I, в частности выяснением влияния на русского императора французской революции. Вопрос этот рассматривался в ряде трудов историков³. Но он все еще остается недостаточно ясным. Недаром последняя биография Александра I носит подзаголовок «Сфинкс Севера»⁴.

Фредерик-Сезар де Лагарп (1754—1838) — уроженец кантона Во в Швейцарии, получивший прекрасное образование, в том числе и в Германии, в Геттингенском университете. Очень рано стал убежденным республиканцем, последовательным приверженцем идей Просвещения. Став адвокатом, он превратился в яростного противника аристократических властей Берна и, тяготясь общей затхлой обстановкой в Швейцарии, собирался эмигрировать в Америку. Но в 1780 г. Лагарп получил предложение из Петербурга от своего друга сопровождать родственников графа Ланского (тогда фаворита Екатерины II) в Италию и привезти их обратно в Россию. В Петербурге он получил через Мельхиора Гримма предложение, исходившее от Екатерины II, стать воспитателем ее внуков Александра и Константина. Сперва его функции были ограничены только преподаванием французского языка. Лагарп против этого возражал, и его письмо произвело сильное впечатление на Екатерину II, которая написала на тексте Лагарпа: «Тот, кто это писал, действительно способен преподавать не только французский язык» (III, 502). Так, весной 1784 г. Лагарп стал воспитателем Александра и Константина, но в первую очередь Александра, любимца императрицы. При дворе Лагарп пробыл до 1795 г. и за эти одиннадцать лет сумел действительно оказать большое влияние на

¹ Correspondance de F.-C. de la Harpe et Alexandre Ier. T. I—III. Suivie de la Correspondance de F.-C. de la Harpe avec les membres de la famille impériale de Russie (1788—1837)/Publ. J. Ch. Biaudet, F. Nicod. Neuchâtel, 1978—1980, t. I, 1785—1802; t. II. 1803—1815; t. III 1815—1824.

² Correspondance de F.-C. de la Harpe..., t. I, p. 214—217. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием тома и страницы. Интересную рецензию В. Рогинского о переписке см.: Новая и новейшая история, 1983, № 2; см. также отзыв: J. R. S.—Annales Historiques de la Révolution française, 1983, N 252, p. 172.

³ См.: Шильдер Н. К. Император Александр I: В 4-х т. СПб., 1897—1898; Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I: 2-х т. СПб., 1912. Письма Александра I Лагарпу были опубликованы в «Сборнике русского императорского исторического общества» (СПб., 1870, т. 5).

⁴ Troyat H. Alexandre I. La sphynxe du Nord. P., 1981.

будущего императора⁵. «До моего последнего вздоха,— писал ему Александр накануне их первого расставания в 1795 г.,— я буду предан Вам, и никогда в жизни я не забуду, чем я Вам обязан и то, что Вы для меня сделали» (I, 96). Это Александр подтверждал многократно. В 1819 г. в последнем письме Лагарпу он писал: «Дорогой друг, от Вас я получил почти все свои знания и представления, которыми я обладаю» (III, 352).

Задача воспитания на первых порах была далеко не легкой. В «Переписке» опубликовано одно из первых писем Александра, в ответ на замечание о лениности. «Я уверен, что, продолжая так вести себя, я стану очень способным человеком, потому что это не требует особого труда, и если в моих глазах я являюсь совершенным существом, для меня не имеет никакого значения, что разумные люди будут сожалеть о моем невежестве. Так приятно не заниматься никаким трудом, что мне хотелось бы, чтобы за меня ходили другие, ели, пили, говорили, и больше всего мне хотелось бы быть похожим на статую» (I, 70).

Но Екатерина II, хорошо разбиравшаяся в людях, недаром остановила свой выбор на Лагарпе. Это был человек исключительно строгий и требовательный и к себе и к другим; как воспитатель он был непреклонен. «Я ненавижу беспорядок и безразличие. Откажитесь от одного и от другого» (I, 71). И Лагарп добился успеха.

Некоторые уроки Лагарп записывал, и Екатерина с интересом их читала. Но они не сохранились.

О содержании этих занятий и о тех идеях, которыми руководствовался Лагарп, мы можем составить себе известное представление по очень интересному списку книг, который Лагарп приготовил для Александра в 1795 г., накануне своего отъезда (I, 111—139)⁶. Наибольшее место в списке уделено книгам по истории, которой Лагарп отводил вообще важнейшую роль в воспитании. В разделе античной истории присутствуют, конечно, Геродот, Фукидид, Диодор Сицилийский, Ксенофонт, Полибий, Плутарх. Рекомендуются «Филиппики» Демосфена, «которые всегда можно сравнить с некоторыми речами, рожденными бурными событиями конца XVIII века». Лагарп советует ознакомиться с Титом Ливием, как «наиболее красноречивым из латинских историков». В списке указаны Дион Кассий, Цицерон, Цезарь. Но выше всех он ставит Тацита, «достойного всяческих похвал... ничто не может заменить чтение этого историка» (I, 117—118)... «наиболее глубокого из всех» (I, 129). В начале XIX в., на каждом новом этапе восхождения Наполеона, он советует Александру читать Светония и каждый раз напоминает о Таците, в котором он видел историка, наиболее враждебного деспотизму⁷.

Из историков античности более позднего периода он указывает на Верто — его «Историю революций, происшедших в Римской республике»⁸. Любопытно, что в те же 1794—1795 гг., когда Лагарп составлял свой список, книгу Верто изучал и Бабеф, ссылавшийся на Верто в «Трибуне народа». Его внимание было привлечено к книге Верто, вероятно, прежде всего из-за ее заголовка⁹. Лагарп рекомендует и знаменитый труд Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи», «который заслуживает самого видного места среди историков XVIII века»¹⁰. Он советует также «Размышления о причинах величия и упадка Рима» Ш. Л. Мон-

⁵ См. *Сухомлинов М И* Лагарп, воспитатель императора Александра I. СПб, 1879. Вопрос о взаимоотношениях Лагарпа и Александра I разбирается в ценном труде *Берги Дж* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто М, 1959.

⁶ Список опубликован *Русский библиофил* Пг., 1916, № 1.

⁷ Видный знаток римской истории Иван Михайлович Гревс считал Тацита «одним из великих историков человечества» (*Гревс И М* Тацит. М.; Л, 1946, с. 119).

⁸ *Vertot R A* Histoire des révolutions arrivées dans le gouvernement de la République romaine P, 1789.

⁹ *Бабеф Г* Соч. В 4-х т М, 1975—1982, т 3, с 507, 569.

¹⁰ Как известно, Гиббон считал одной из основных причин падения Рима распространение христианства. См. *Gibbon E* L'histoire de la décadence et de la chute de l'Empire romain Vol 1—18 P, 1788—1795.

тескьё и «Размышления о римлянах» Мабли. Особенное внимание он обращает на «Историю прогресса и упадка Римской республики» Адама Фергюсона — «один из лучших новейших трудов». В другом разделе списка фигурирует и книга Фергюсона «История гражданского общества».

В разделах списка, посвященных новой истории, Лагарп упоминает «Историю тридцатилетней войны» Шиллера¹¹, труды Вольтера (о Карле XII, Людовике XIV и Людовике XV), «Историю Англии до 1688 г.» Дэвида Юма, «Историю Флоренции» Макиавелли и его же «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия», мемуары герцога Сен-Симона, «Историю французов» Сисмонди, «Историю Неаполитанского королевства» известного итальянского историка Пьетро Джаннине.

Особый интерес в своем списке Лагарп проявляет к истории гражданских войн и революций. Так, он рекомендует «Историю мятежей и гражданских войн в Англии» Э. Х. Кларендона, «Историю революций в Швеции» того же Верто, «Историю гражданских войн во Франции» Э. К. Давила, «Историю гражданской войны в Неаполе» Ф. Гвиччардини, «Историю войны за независимость» К. Ботта — «лучший труд». В позднейших примечаниях Лагарп указывает и вышедшую уже в XIX в. «Историю итальянских республик» того же Ботта. О Соединенных Штатах Лагарп советует книгу не кого иного, как Ж. П. Бриссо де Варвилля¹² — «произведение самого высокого достоинства». Но Бриссо далеко не единственный из деятелей французской революции, фигурирующих в списке. В нем значатся и знаменитый памфлет Камилла Демулена «История бриссотинцев», «История войны в Вандее и против шуанов», написанная членом Конвента И. М. Лекино, «Мемуары» Ш. Ф. Дюмурье и книга о нем, вышедшие в Гамбурге в 1794 г.¹³ В списке значится и «Беспристрастная история французской революции от ее начала до смерти королевы и казни депутатов департамента Жиронды» Грегори и несколько книг по истории военных действий в 1792 г.¹⁴ Особого нашего внимания заслуживают следующие строки списка. Рекомендуются издания о дебатах в английском парламенте. Лагарп советует прочитать речи «Бэрка, Питта, Шеридана... Достаньте затем произведения писателей, которые больше всех содействовали французской революции, таких, как Мунье, Сийес, Клермон-Тоннер, Малуэ, Мирабо, Бриссо, Пасторе, и сравните государственных деятелей и ораторов двух соперничающих наций» (I, 137). В списке газет («если вы сумеете их достать») указан и «Монитёр».

Из переписки видно, что в Петербурге эта газета имелась. В одном из писем Лагарп сообщал, что он возвращает для библиотеки «парижские газеты 1790 г. и „Монитёр“ с июля 1791 по январь 1793 г. — они все принадлежат Вам» (I, 86). Итак, благодаря Лагарпу Александр I, по-видимому, имел представление о литературе французской революции, знал имена ее деятелей¹⁵.

Очень важны также разделы списка, посвященные философии и политике. Правда, в них почти нет французских философов-материалистов, кроме Кондильяка, из более ранних указан только Пьер Бейль и его «Словарь» (Амстердам, 1737). Зато очень полно представлены чисто

¹¹ Лагарп проявлял глубокое внимание к немецкой культуре. Любопытно отметить, что на пути в Швейцарию он должен был в Германии встретиться с Гёте и Кантом. Встреча, однако, не состоялась из-за их болезни.

¹² *Brissot de Warville J. P. Le Nouveau voyage dans Etats Unis de l'Amérique septentrionale*. P., 1791.

¹³ *Dumouriez Ch. F. Les mémoires*. Hambourg, 1794; *La vie privée et politique du général Charles-François Dumouriez*. Hambourg, 1794.

¹⁴ Например: *Unpartheyischen Bemerkungen über den unglücklichen Feldzug des Herzogs v. Braunschweig und die gegenwärtige Lage Preussens, Oesterreichs und Frankreichs*. S. I., s. a.; *Geschichte des ersten Feldzuges der Franken im Jahre 1792*. Ulm, s. a.

¹⁵ В списке значилось и 8-томное сочинение Мирабо (*Mirabeau H. G. De la monarchie prussienne/Sous Frédéric le Grand*. L., 1788), которое «заслуживает знакомства. Последний том содержит менее точные сведения об отношениях Австрии, Саксонии и Баварии» (I, 134). В разделе «География» указано и известное «Путешествие во Францию» Артура Юнга (P., 1793).

политические мыслители, начиная с Ж. Бодена («О республике»), которого Лагарп считал «одним из самых смелых мыслителей» XVIII в. Исклчительно высоко оценивал он известную книгу английского революционера, казненного при Реставрации, Алджернона Сиднея «Рассуждение о правительстве» (Гаага, 1755). Чтение Сиднея он рекомендует особенно, на случай, «если Вам осмелятся заявить, что народ создан для того, чтобы служить Вам, или что вы наставник, ниспосланный Провидением» (I, 136).

Лагарп указывает также на книгу швейцарского юриста Ваттеля «Международное право»¹⁶, которого он ставит гораздо выше, чем Пуфендорфа и Гуго Гроция¹⁷. Но выше всех среди политических мыслителей он ценил Джона Локка, его сочинение «Гражданское право» (1783) — «произведение человека выдающегося и своим обширным гением, и добродетелями». В списке есть и ряд трудов Мабли¹⁸; его «Европейское международное право» — «лучшее краткое изложение того, что написано о дипломатии» (I, 136).

Из новейших книг, «которые произвели больше всего шума», Лагарп рекомендует Руссо — «Об общественном договоре», его же трактат «О причинах неравенства», «Размышления о польском правительстве» (1782) и «Эмиля».

В заключение Лагарп указывает «поистине классическое произведение». Он пишет: «Вам необходимо его прочитать. Пусть Вас не отталкивают трудности, при внимании и настойчивости Вы все преодолеете». Речь идет о книге Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) — французский ее перевод появился в 1790—1791 гг. Рекомендует Лагарп и пятый том — анализ труда Смита, составленный Кондорсе.

Этот чрезвычайно интересный список показывает, что Лагарп был одним из образованнейших людей своего века, внимательнейшим образом следившим за всей новейшей литературой. В списке видна и определенная целеустремленность — он составил решительным врагом деспотизма. Недаром с такой настойчивостью он советует читать Тацита и Алджернона Сиднея. В стенах царского дворца он осмеливался рекомендовать чтение не только передовых мыслителей века, но и произведения французских революционеров. Александр I прошел школу прогрессивного воспитателя — не якобинца, конечно, но подлинно «старого республиканца», как неоднократно характеризовал себя сам Лагарп. Сумел ли он завоевать на сторону своих идей Александра, и в какой мере?

Утвердительный ответ на этот вопрос давали и современники, близко стоявшие к Александру (министр иностранных дел Панин и Адам Чарторыйский — мы еще приведем их мнение), и такие серьезные исследователи, как Н. К. Шильдер и А. Е. Пресняков. С категорическим опровержением этой точки зрения выступил Д. Берти, автор фундаментального труда, основанного на многочисленных архивных фондах. По мнению Берти, особенностью характера Александра I «было притворство; он был упрямым, недоверчивым, лицемерным и жестоким человеком, но прежде всего — лукавым». Тезис об «Александр-либерале или по крайней мере об искреннем... либерале в своей молодости... получил широкое распространение... и в наиболее авторитетной современной европейской историографии». Этот тезис Берти опровергает полностью: «Нельзя... принимать в расчет утверждение, согласно которому либерализм Александра I в юности (курсив наш.— В. Д.) и в ранние годы его царствования был искренен и лишь в дальнейшем его политика приняла реакционную и консер-

¹⁶ *Vattel E* La droit des gens ou Principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains Neuchatel, 1774

¹⁷ *Pufendorf S* Le droit de la nature et des gens Basle, 1771; *Grotius G* Le droit de la guerre et de la paix Amsterdam, 1724

¹⁸ *Mably G B* De la législation ou principes des loix. P., 1776, *Idem* Les entretiens de Phocion Amsterdam, 1763, *Idem* Des droits et des devoirs du citoyen. Kehl, 1789, *Idem* Droit public de l'Europe. Genève, 1764

вативную окраску. Александр I *всегда был мастером* двойной игры, даже в первые годы своего царствования». Сравнивая Александра с Наполеоном, Берти приходит к выводу, что русский царь «был искусным комедиантом... И Наполеон иногда тоже разыгрывал комедии, но по сравнению с Александром I он был просто дилетантом»¹⁹.

Мы не собираемся здесь вступать в полемику о психологических особенностях Александра и не считаем себя достаточно компетентными для вмешательства в этот спор. Но тем не менее мы считаем точку зрения Берти чрезвычайно односторонней. Разве нельзя предположить, что почти ежедневное общение с Лагарпом на протяжении более десяти лет, равно как и вообще идеи великого XVIII в., могло оказать на Александра известное влияние, пусть временное и поверхностное²⁰?

При дворе, среди иностранных дипломатов и все более многочисленных французских эмигрантов, против «якобинца» давно уже сложился заговор людей, добивавшихся его удаления. В 1791 г. Екатерина сама отвела эту опасность. Но вскоре по совершенно иным мотивам она изменила позицию. Желание императрицы лишить сына Павла престолонаследия и сделать своим преемником Александра все более крепло. В октябре 1793 г. она вызвала к себе Лагарпа для переговоров. Зная о его влиянии на Александра, она решила сделать его своим союзником. Не договаривая до конца, она все же достаточно ясно изложила свой план. Честный швейцарец был возмущен — он видел в этом новую попытку продолжить начатое в Ропше — вслед за мужем устранить из жизни и сына. Он промолчал, но, как сам писал, «это были одни из самых мучительных часов в моей жизни» (III, 540). Отказ помочь императрице решил судьбу Лагарпа. В декабре 1794 г. во время занятий его вызвал приближенный к императрице Салтыков, ведавший всем воспитанием, и заявил ему, что с 31 декабря уроки прекращаются и Лагарп должен покинуть Россию. По рассказу Лагарпа, когда он вернулся в комнату, Александр в слезах обнял его, — очевидно, он уже знал, что ожидает его воспитателя (I, 96). Лагарпу удалось лишь добиться отсрочки на несколько месяцев, в мае 1795 г. он вынужден был покинуть Россию.

Александр I тяжело переживал эту разлуку. В феврале 1795 г. в предчувствии ее он писал Лагарпу: «Как горько думать, что, расставшись с Вами, я остаюсь один среди этого двора, который мне отвратителен, обреченный на существование, одна мысль о котором заставляет меня трепетать» (I, 96). Он подчеркивал в этом письме всю свою преданность Лагарпу.

В 1796 г. Екатерина скончалась. Вступивший на престол Павел I только ужесточил меры против Лагарпа: переписка с ним была запрещена; у него отняли орден св. Владимира, потребовали возврата части сумм, им полученных. По сведениям Лагарпа, генералу Корсакову, командующему русским экспедиционным корпусом в Швейцарии, было предложено захватить Лагарпа.

Переписка фактически была прервана. Но в феврале 1796 г. Александру удалось благодаря оказии переслать Лагарпу письмо, в котором ясно чувствуется влияние идей его воспитателя. Александр пишет и о своем намерении отказаться от престола: «Милый друг, как часто я вспоминаю о Вас и обо всем, что Вы мне говорили... Это не может изменить решения, которое я принял, — отказаться в дальнейшем от моих обязанностей. Со дня на день мне становится все более и более нестерпимым все то, что я вижу вокруг себя. Совершенно непонятно все, что происходит: все грабят, не встретишь почти ни одного честного человека, это просто ужасно» (I, 157).

Но в 1797 г. он принимает новое решение, на котором сказываются и идеи Лагарпа, и, возможно, влияние его новых «молодых друзей», ближай-

¹⁹ Берти Дж. Указ. соч., с. 244, с. 316.

²⁰ Следует отдать должное исследовательскому упорству Берти. Зная о том, что Биоде является единственным человеком, знакомым по подлинникам с перепиской Лагарпа, Берти вступил с ним в контакт.

шими из них были граф Павел Строганов, воспитанник убежденнейшего якобинца Жильбера Ромма²¹, а также Адам Чарторыйский, Кочубей и Новосильцев.

Впоследствии по просьбе Николая I Лагарп отослал ему в 1831 г. всю коллекцию писем к нему Александра, которую он тщательно берег. Но на одном письме 1797 г. Николай пометил: «Я его уничтожил» (к счастью, позднее в Зимнем дворце была найдена его копия). Знакомство с этим письмом вполне объясняет реакцию на него Николая. Александр послал это письмо с одним из своих «молодых друзей», Н. Новосильцевым, с тем, чтобы получить совет Лагарпа о проекте введения в России «либеральной конституции».

«Мой отец,— писал Александр 27 сентября (8 октября) 1797 г.,— вступив на престол, хотел все реформировать. Начало было действительно довольно блестящим, но затем все пошло иначе. Все пошло прахом. И без того большой беспорядок только увеличился. Военное дело и постоянные парады занимают все его время. Нет никакой последовательности. То, что приказывают сегодня, через месяц отменяется... Интересы государства никогда не принимаются во внимание, самодержавная власть творит все, что хочет... Невозможно перечислить все безумие того, что совершается.. *Моя бедная родина находится в неопишемом состоянии: земледельцы измучены, торговля стеснена; личная свобода и благосостояние уничтожены; вот картина России; Вы можете судить, как страдает от этого мое сердце... Вы знаете мое постоянное намерение, мое стремление уйти. Но сейчас я не вижу возможности это осуществить; несчастное положение моего отечества повернуло мои мысли в другом направлении*

Я думаю, что, если когда-нибудь придет мой черед править, будет гораздо лучше, чем уехать, трудиться над тем, чтобы сделать мою страну свободной и предохранить ее от того, чтобы стать игрушкой в руках безумцев. Это рождает во мне тысячи мыслей, и я прихожу к выводу, что это будет лучший вид революции, осуществляемой законной властью, которая исчезнет, как только будет введена конституция и нация будет иметь своих представителей».

«Когда все это осуществится,— писал далее Александр,— моя власть совершенно исчезнет и, если Провидение мне во всем поможет, я удалюсь в какой-нибудь уголок, где я буду счастливо жить, созерцая счастье моей родины. Вот какова моя идея, дорогой друг... Пусть небо позволит нам завершить все, сделать Россию свободной и предохранить ее от всяких покушений деспотизма и тирании. Вот мое единственное желание, и я охотно отдам все свои силы и свою жизнь во имя этой столь дорогой для меня цели» (I, 214—217).

Видимо, читая именно это письмо 1797 г., Лев Николаевич Толстой — он читал Шильдера — задумал свои «Посмертные записки старца Федора Кузьмича». Лагарп считал, что это письмо следует воспроизводить «золотыми буквами» (I, 66).

Аналогичные настроения Александра того времени подтверждаются и другим источником — воспоминаниями Адама Чарторыйского²². В разговоре с ним в 1796 г., уже после отъезда Лагарпа, Александр со всей откровенностью изложил ему свои взгляды. Он признался, что «ненавидит деспотизм, где бы и как бы он ни проявлялся, что он любит свободу, что она необходима каждому человеку, что *он проявляет живейший интерес к французской революции*, что, не одобряя этих ужасных заблуждений, *он все же желает успехов республике и радуется им* (курсив наш.—

²¹ См.: Далин В. М. Первый русский якобинец — В кн. Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970

²² Czartoryski A. Mémoires et correspondance avec l'empereur Alexandre I. Vol 1—2. P., 1887; рус. пер.: Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I: В 2-х т М., 1912—1913 После третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. имени Чарторыйских были конфискованы русскими властями Родители Адама Чарторыйского возбудили ходатайство об их возвращении Екатерина вызвала тогда обоих сыновей Чарторыйского в Петербург, где они были представлены ко двору.

В. Д.)»²³. Александр высказался очень отрицательно о польской политике Екатерины II и выразил свое глубочайшее уважение к Костюшко — вождю польского восстания 1794 г. «С глубоким уважением, передает Чарторыйский, он говорил о своем воспитателе, господине Лагарпе, как о человеке высокой добродетели, подлинной мудрости, строгих принципов, с решительным характером. Ему он обязан всем, что в нем есть хорошего, всем, что он знает, всеми этими принципами истины и добра, которые он несет в своем сердце, внушенными ему Лагарпом... Сознаюсь,— писал Чарторыйский,— я ушел пораженный, глубоко потрясенный, не понимая, что это — чудесный сон или действительность... Не чудо ли, что в этой обстановке, в этом окружении могли родиться такие благородные мысли, такая возвышенная добродетель»²⁴.

Не следует, впрочем, преувеличивать значение подобных суждений будущего царя Александра I. Оценки этих высказываний Лагарпом и Чарторыйским выдают их надежды на поворот в судьбах России и их увлеченность речами наследника. В самих же этих речах Александра была, несомненно, доля если не лицемерия, то желания казаться более либеральным, чем он был в действительности. Они свидетельствуют, конечно, и о его увлечении модными идеями века. Будущее показало, однако, что это увлечение носило поверхностный характер.

В жизни Лагарпа происходили в те годы важные события. В 1798 г. в Швейцарии произошел переворот, в котором Лагарп принял живейшее участие. Единую Гельветическую республику возглавила директория, ее председателем летом того же года стал Лагарп. Но существование демократической республики продлилось недолго, в январе 1800 г., не без участия французских войск, директория была распущена. Лагарпу пришлось эмигрировать в Париж. Он встречался там с Фуше и один раз даже с первым консулом, которые, правда, приняли его довольно холодно.

Всего год спустя наступил новый поворот в судьбе воспитанника и воспитателя. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Павел был убит, на престол вступил Александр I — тот, которого Лагарп называл будущим русским Траяном или Марком-Аврелием. Он счел своим долгом быть возле своего воспитанника в этот ответственный момент. Но те, кто добивался его удаления из России, вовсе не собирались мириться с возможностью его возвращения.

Граф Панин, министр иностранных дел (участник заговора против Павла), писал в июне 1801 г. С. Воронцову: «Единственное, на что я могу пожаловаться (между нами) и что заставляет меня иногда стонать,— это его (Александра I.— В. Д.) упорное желание следовать ложным принципам и очень опасным софизмам, которыми он обязан коварным наущениям Лагарпа. Если этот злодей явится сюда, как я этого опасуюсь, и если к нему будут прислушиваться, Вы скоро узнаете, дорогой граф, что я откажусь от какой бы то ни было службы»²⁵.

Лагарпу удалось все же сломить это сопротивление. С августа 1801 г. до мая 1802 г. он находился в Петербурге. Он попал туда как раз во время «дней александровых прекрасного начала». Самым значительным событием этих дней было, как известно, создание Негласного комитета, в который, кроме императора, вошли его «молодые друзья» — Строганов, Кочубей, Новосильцев и Адам Чарторыйский. Из пяти членов комитета двое были непосредственными учениками убежденнейших воспитателей-республиканцев — Ромма и Лагарпа.

Лагарп не вошел в состав комитета и упорно отказывался бывать на его заседаниях, считая, что его присутствие, как иностранца, может быть плохо истолковано, но Александр, о чем писал Чарторыйский, все время с ним советовался. Трудно сказать, какой линии придерживался Лагарп. Ж. Ш. Биоде в предисловии к «Переписке» приводит ряд свидетельств

²³ *Chartoryski A. Op. cit., vol. 1, p. 96—97.*

²⁴ *Ibid.*

²⁵ Архив князя Воронцова. М., 1877, кн. 11, с. 134—135.

того, что Лагарп советовал на первых порах не спешить. Это видно и из его писем: Лагарп опасался, что слишком крутые меры могут вызвать беспорядки и недовольство гвардейских полков и реакционной знати, привести к повторению того, что случилось с Петром III и Павлом I.

В Петербург Лагарп явился и с предложением в области внешней политики. «В Европе,— писал он в ноябре 1801 г.,— есть две великие нации, во главе которых стоят два человека чрезвычайно одаренные, которые могут обеспечить общее благо, если они договорятся уберечь несчастное человечество от гнета нищеты и поднять на самый высокий уровень процветания их отечеств» (I, 340) ²⁶.

Правда, беседа с первым консулом, о которой мы уже упоминали, произвела на Лагарпа скорее отрицательное впечатление, и уже в самом начале 1802 г. он указывал, что «Наполеон стремится стать императором галлов» (I, 567). Но все же Лагарп отправился в Россию с целью добиться сближения двух стран.

Пришлось ли Лагарпу уговаривать Александра? Чарторыйский утверждает, что Александр весьма тепло принял посланного Наполеоном на похороны Павла I очень близкого к нему человека — Дюрока. «Это отношение к Дюроку было отражением тех чувств, которые Александр питал к принципам 89-го года, которые внушил ему Лагарп. Александр был тогда очарован тем, что увидел наконец французов знаменитой революции, которых он считал еще республиканцами, он отнесся к ним с любопытством и интересом; он так много о них слышал, так много думал» ²⁷.

Как бы то ни было, когда Лагарп собрался в обратный путь, Александр снабдил его доверительным письмом, которое он должен был лично вручить Наполеону. Это письмо оставалось до сих пор неизвестным и публикуется Ж. Ш. Биоде впервые. Оно гласит:

«Гражданину Бонапарту, первому консулу Французской Республики.

Я не хочу отпущать отсюда г-на Лагарпа без того, чтобы не снабдить его письмом к гражданину первому консулу. Мои обязанности по отношению к нему и то особое уважение, которое я к нему питаю, заставляют меня глубоко заинтересоваться его судьбой. Я льщу себя надеждой, гражданин первый консул, что это послужит для Вас мотивом проявить к нему самые дружеские чувства. Я буду бесконечно счастлив, если, передавая это письмо, г-н Лагарп устно передаст Вам, гражданин первый консул, насколько искренне я желаю установить тесный контакт между нашими двумя государствами и устранить все, что могло бы этому помешать.

Примите, гражданин первый консул, заверения моего глубочайшего почтения и уважения» (I, 610—611) ²⁸.

До сих пор предполагалось, что после кончины Павла I попыткам франко-русского сближения был положен конец. Как оказывается, это не совсем так. Можно представить, как обрадовался бы А. З. Манфред, этот страстный сторонник сближения двух стран, если бы ему стал известен этот документ.

Александр оставил на усмотрение Лагарпа вручать или не вручать это письмо, в зависимости от его оценки наполеоновской политики. Лагарп его не вручил. Он сохранил его нераспечатанным — так оно и хранилось свыше 175 лет. Свое нежелание вручить письмо Лагарп объяснил так: «Всякая близость между этими двумя людьми мне представляется сейчас невозможной. Лояльность, скромность, либеральные идеи одного совершенно не сходятся с двуличием, неограниченным самолюбием, антилиберальными идеями другого... (I, 639). «Тимоллеон, на которого я надеялся, совершенно исчез... Его сменил человек с неограниченным честолюбием,

²⁶ «Я сказал Фуше,— писал Лагарп, передавая свой разговор с ним,— что Провидение поставило во главе двух самых могущественных наций двух человек с либеральными идеями, чтобы хоть немного облегчить бедное человечество, если они сумеют договориться» (I, 334).

²⁷ *Czartorysky A. Op. cit., vol 1, p. 285.*

²⁸ Примечания Лагарпа к этому письму см.: *Correspondance, de F.-C. de la Harpe., t. I, p. 611—612.*

преисполненный презрения к человечеству, который видит только себя и считает, что принципы, свобода и т. д. должны исчезнуть при одном лишь звуке его голоса. Я никогда не видел такого стремительного ретроградного движения» (I, 641).

Примерно через год Александр согласился с Лагарпом в оценке Наполеона. «В согласии с Вами,— писал он 7 июля 1803 г.,— я изменил свое мнение о первом консуле; после его провозглашения пожизненным консулом завеса пала... Сейчас это один из знаменитейших тиранов, которых знает история» (II, 44—45).

* * *

8 мая 1802 г. Александр и Лагарп расстались, при этом император дал твердое обещание — Лагарп о нем напоминал Александру неоднократно — быть верным идеям, которые более десяти лет внушались ему воспитателем. Их следующая встреча состоялась только через двенадцать лет, в 1814 г.

Восшествие на престол, а в дальнейшем приближение к царю Аракчеева, с одной стороны, и перемены, происходившие во Франции и во внешней политике обеих стран,— с другой, отдалили ученика от его бывшего учителя. И хотя Лагарп продолжал писать императору, ответы приходили все реже.

Лагарп очень долго — до 1822 г., до конгресса Священного союза в Вероне — верил обещаниям царя. «Ваше отечество, буржуа и крестьяне, на протяжении десяти веков ждало Мессию» (II, 76),— писал он Александру в надежде, что тот и станет таким Мессией, «императором-гражданином», «императором народа».

В первые годы он непрерывно и внимательно следил за положением дел в России, давал Александру I подробные советы. Его пугали замыслы о расширении полномочий сената, он видел в них попытку подчинить молодого императора все той же старой группе «верховников». Он указывал на опасность новых попыток переворота со стороны «преторианской гвардии».

Предостерегая против поспешности, Лагарп тем не менее настаивал на проведении ряда радикальных реформ. Он подчеркивал необходимость расширения народного образования. В одном из писем он привел полученные им сведения о распространении школ в России. Число учащихся по всей стране, по этим сведениям, составляло всего лишь около 30 тыс., немногим только превышая число учащихся в одном кантоне Во, родине Лагарпа. Его потрясало и невежество духовенства, особенно низшего.

Во всех своих письмах Лагарп настаивает на уничтожении «табели о рангах», требует сокращения числа чиновников — этого источника хищений и коррупции. Он ненавидит «чины» (это слово Лагарп писал всегда по-русски).

Советуя, Лагарп особенно настаивал на двух линиях внутренней политики, и прежде всего по отношению к «третьему сословию». «Покровительствуйте вашему третьему сословию,— писал он в 1803 г.,— на него Вы должны прежде всего опираться и рассчитывать; служите ему как только будет возможно и используйте людей, вышедших из его среды, на самых высоких постах; они явятся для Вас опорой против мятежного дворянства, склонного к заговорам, с тем, чтобы смирить его» (II, 183). «Создавайте милицию, состоящую из свободных буржуа против заговорщиков-янычаров»,— советует он в 1805 г. (II, 245). «Только в третьем сословии Вы найдете верных друзей, мужественных защитников. Россия никогда не станет цивилизованной, не окажется на уровне других стран, пока ее третье сословие (и сейчас я говорю только о буржуа) будет отстранено от дел»,— настаивал он вновь в марте 1808 г. (II, 293).

Оценивая людей, посылаемых за границу, Лагарп ставит все тот же вопрос: почему среди этих лиц «нет людей из того класса, которому, казалось бы, Вы должны особенно покровительствовать, чтобы они, в свою очередь, могли защищать Вас» (II, 322). Он повторил это, когда узнал

«о создании знаменитого Царскосельского лицея: «Ведь третье сословие — основа государства, в нем так нуждается Ваша страна» (II, 481). «Когда в Ваших дипломатических миссиях я не вижу буржуа... это наполняет грустью мою душу и вызывает дурное настроение, которое я должен подавлять, после того как оказывается, что я тщетно проповедовал в пустыне» (II, 293).

Все эти наставления напоминают знаменитый памфлет Сийеса «Что такое третье сословие». Может быть, Лагарп и не требовал, чтобы оно стало «всем», но можно не сомневаться, что он и в России стремился поставить его на первый план.

С не меньшей, а подчас и с еще большей резкостью ставил Лагарп и другой коренной вопрос — об уничтожении крепостного права²⁹. Этот вопрос он поднимал и в последнем письме перед отъездом в 1795 г. из России. Он считал тогда, что нужно действовать в этом направлении осторожно, без всяких толчков и не забывая при этом интересы собственности. Позднее все с большей настойчивостью Лагарп подчеркивал необходимость ликвидации крепостного права и все чаще напоминал при этом, что освобождение может прийти снизу. «Без освобождения Россия может подвергнуться такому риску, как при Стеньке Разине и Пугачеве, — писал он в 1805 г. — Когда я думаю об этом неразумном нежелании дворянства, которое не хочет понять, что оно живет на краю вулкана... я не могу не чувствовать живейшего беспокойства» (II, 245).

Еще более настойчиво ставит этот вопрос Лагарп в 1810 г., когда явно предвидит нашествие Наполеона, которое он считал неизбежным. 4 сентября он писал: «Уверены ли Вы, что у Вас остается еще двадцать, десять, пять лет в этот период крушения империй, неиспроверяющего все расчеты? Что Вы сможете противопоставить неприятелю, когда, разбив Ваши войска (Лагарп писал после Прейсиш-Эйлау и Фридланда. — В. Д.), он напишет на своих знаменах магические слова — свобода и освобождение деревни? То, что не удалось Пугачеву с его ограниченными средствами, не станет ли гораздо более легким сегодня... при звуках революционной трубы?» (II, 351).

Россия, освобожденная от несправедливого и ужасного крепостного права, может противостоять любому врагу, но при сохранении крепостной зависимости ее ожидают самые страшные бедствия. «Помещики должны понять, что крепостное право не может удержаться без боев» (II, 414, — в 1811 г.).

Очень скоро Россия оказалась вовлеченной в водоворот европейских войн, Лагарп их не одобрял, он считал, что Россия становится игрушкой в руках реакционных держав. Этот поворот в политике сказался и на переписке, она становится все более односторонней. С 1803 по 1808 г. Лагарп направил Александру 40 писем, но в ответ получил только одно в 1808 г., правда, очень сердечное³⁰, но все же только одно.

Лагарп постепенно начинал понимать, что «либеральные идеи ничего уже не значат для императора Александра», «злые языки говорят, что Александр отрекся от своих либеральных идей и потерял симпатии в народе» (II, 327). Лагарп оговаривается, что он «никогда не будет винить сердце Александра; мне внушает некоторые сомнения только император, трон — слишком опасное место» (II, 291). «Мне кажется, — писал он в 1809 г., — что Вы больше обо мне не думаете» (II, 333).

По временам Лагарп впадает даже в глубокий, не свойственный ему пессимизм: «Европа представляет отвратительное зрелище. Я готов предоставить ее своей печальной судьбе... Я слишком Вам предан, чтобы хвалить то, что совершенно не заслуживает похвалы» (II, 327). «У меня складывается убеждение, что, если все это продлится еще десятилетие, мы вернемся в средневековье. Наука и цивилизация пересекут Атлантический

²⁹ Лагарп применяет термин «servage»: мы переводим его как «крепостное право»

³⁰ «Мое сердце будет верно Вам до последнего вздыхания... Я обязан Вам всем, что я знаю» (II, 289).

океан и вернуться в Европу, только побывав в Америке, в Новой Голландии, в Новой Зеландии и у эскимосов. Горько думать, государь, что Вы можете стать одной из причин этого переселения» (II, 291).

После Аустерлица Лагарп хотел поехать в Россию. «Мне кажется, — уговаривал он Александра в письме от 10 июля 1806 г., — что близость человека, который знает революции, революционеров и их дух, могла бы быть Вам сейчас полезной» (II, 260). Он готов был лететь даже на воздушном шаре Монгольфье. Но Александр не откликнулся на это предложение.

Тильзитская политика тоже не получила одобрения Лагарпа. Он считал, что со стороны Наполеона это только передышка — нужно готовиться к новому столкновению: «Нельзя терять ни минуты. Только нужно все приготовления держать в секрете... Ганнибал у ворот, и этот Ганнибал хочет стать императором Запада и Востока, калифом христиан и повелителем всего мира — это Чингисхан» (II, 267).

Тильзитская политика была опасна тем, что она вызывала глубокое недовольство в стране. Хорошо информированный Лагарп предупреждал: «Все классы страдают, недовольны... Если Вы еще не потеряли привязанность Вашего народа, Вы рискуете вскоре потерять ее совсем. Хотят перемены царствования, ждут его, потому что надеются, что тогда страданиям будет положен конец» (II, 337).

В 1810 г. Лагарп подписывает одно из своих писем так: «Часто думающий о Вас, осуждающий Вас, бранящий Вас, ворчащий на Вас, чтобы Вас одобрить, но всегда продолжающий Вас любить» (II, 339).

Через два-три года вся обстановка изменилась. Русская армия во главе с Александром вместе с союзниками шла на Париж. Через двенадцать лет после разлуки встреча снова стала возможна — она произошла в Лангре, в штабе союзных войск. Армия готовилась перейти Рейн. Встреча в январе 1814 г. носила самый сердечный характер. Александр представил Лагарпа прусскому королю — «вот человек, которому я обязан всем».

Следующая встреча состоялась уже в Париже, где стал «русский царь главой царей». Между Александром и Лагарпом как будто снова установились близкие и дружеские отношения. Та политика «конституционной дипломатии», которой придерживался Александр I в 1814 г. и в выработке которой Лагарп, вероятно, участвовал, нашла его полное одобрение. Для их взаимоотношений в это время характерно письмо Александра Лагарпу в связи с назначением графа Каподистрии русским представителем в комиссию, направленную союзниками в Швейцарию для решения вопросов ее будущего устройства (Швейцария и ее судьбы занимали в переписке очень большое место): «Каподистрия, — писал Александр, — человек, заслуживающий уважения и своей честностью, и своими принципами и либеральными идеями. Он уроженец Корфу и, следовательно, республиканец; знакомство с его принципами и привело к его назначению» (II, 506). И в этом же письме Александр снова выражал Лагарпу свою признательность за все то, чем он ему обязан: «Если я имел возможность проявить упорство и энергию в течение последних двух лет в деле защиты независимости Европы, я обязан этим Вам и Вашим наставлениям. Меня поддерживало желание быть достойным Ваших забот, заслужить Ваше уважение» (Там же). Александр I вернул Лагарпа на русскую службу, поручив ему рассмотрение всех петиций и ходатайств на имя императора. Это была достаточно сложная работа; как сообщает Лагарп, таких заявлений поступило около 8 тыс.

Лагарп был привлечен и к обсуждению основного вопроса — о дальнейшей судьбе Франции. Если верить Меттерниху. Александр предлагал созвать Национальное собрание под председательством Лагарпа, человека, «более всех способного разрешить этот вопрос»³¹.

³¹ Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich. P., 1880, vol. 1, p. 184. Цит по: *Biaudet J. Ch* Introduction.— *Correspondance de F.-C. de la Harpe...*, t. I, p. 35.

